

Рассмотрим теперь конкретные соображения Н. Андреева о том, что автором приписок является Иван Михайлович Висковатый, а не Иван Грозный.

Закончив пересказ приписки о «мятеже» 1553 г., Н. Андреев пишет: «В этой приписке дьяк Висковатый упоминается семь раз и действительно играет роль героя. Ясно, что приписка была либо составлена и основана на его рассказе, либо написана им лично».³⁰

Допустим, что приписка совершенно точно передает события. Тогда, значит, дьяк Иван Михайлович Висковатый в действительности действовал именно так активно и героически. Но тогда автором рассказа вовсе не должен быть сам Висковатый, именно то же самое должен был написать о нем любой очевидец этих событий, придерживающийся истины. Так, в частности, если Висковатый выступал 7 раз, этот очевидец должен был 7 раз его и упомянуть в своем рассказе.

Отыскивая автора по принципу: о ком больше всего говорится в рассказе, тот и автор, обязательно приходится встать на путь признания необъективности этого автора в свою пользу. С другой стороны, исходя из необъективности автора в свою пользу (а следовательно, и в пользу своей позиции, своих сторонников и т. д.), нельзя тут же отыскивать его как очевидца, исходя из достоверности того, что им написано. К тому же если идти путем статистического подсчета — кто большее число раз упомянут в приписке, — то Висковатый упомянут в приписке 7 раз, а Иван Грозный упомянут в ней не менее 70 раз, и Н. Андрееву не следовало бы отказывать ему в авторстве. Статистика, если заняться ею на основании всех приписок, а не только одной о 1553 г., покажет, что Висковатый фигурирует всего в двух эпизодах. С другой стороны, можно насчитать немало различных деятелей того времени, которые упоминаются в приписках чаще, чем Висковатый, и, таким образом, число возможных авторов приписок можно значительно увеличить.

Стараясь отвести Грозного и утвердить Висковатого в качестве автора приписок, Н. Андреев пересказывает три выступления царя, с которыми Грозный, согласно приписке, обращался к боярам. Пересказав обращение царя к своим родственникам Захарьиным («А вы Захарьины чего испужались...» и т. д.), Н. Андреев пишет: «Здесь мы снова находим наиболее интересные детали, несомненно данные очевидцем всех этих событий, ибо только очевидец мог оттенить трусость Захарьиных перед лицом боярской оппозиции. Но твердость царя испугала бояр, и они пошли в переднюю избу принимать присягу».³¹

Данное заявление об очевидце событий Н. Андреев ставит в ряд доказательства того, что приписки написаны Висковатым, являвшимся очевидцем этих событий, а не царем. Значит, Н. Андреев хочет подчеркнуть, что Висковатый был очевидцем царского выступления. Можно допустить, что если такое выступление царя имело место, то Висковатый был его очевидцем. Но из этого совсем не следует, что сам царь не был очевидцем своего собственного выступления. Между тем, следуя задаче доказать, что автор приписок не Грозный, а Висковатый, Н. Андреев, теперь уже вопреки рассказу приписки, старается создать именно такое впечатление, будто бы Грозный не был очевидцем событий. Вслед за пересказом описания очередного, уже четвертого выступления царя и происходивших вокруг него споров Н. Андреев пишет: «Ясно, что здесь работа очевидца, но не царя, который был очень болен».³² Вот и полу-

³⁰ N. Andreyev, стр. 112.

³¹ Там же, стр. 110, 111

³² Там же, стр. 111.